

Эпштейн С.

СВИТОК ЭСТЕР: ИСТИННЫЙ АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Иерусалим; М.: Изд. М. Гринберга; Студия «4+4»,
2020. 176 с. ISBN 978-5-905826-14-6

УДК 82-95 (26-277.2)

DOI: 10.31802/BCA.2023.17.1.010

Сеймур Эпштейн (Эпи) родился 3 января 1946 г. в г. Торонто (Канада). В 1976 г. защитил докторскую диссертацию в Университете Торонто (степень «доктор педагогики») на тему: «Модели еврейского обучения». В сфере образования он известен тем, что работал в дневной школе Объединённой синагоги Торонто, был доцентом в Университете Макгилла, где занимался подготовкой учителей-евреев в Монреале, а также (с 1981 г.) был консультантом Американского еврейского объединённого распределительного комитета Джойнт в Касабланке (Марокко). Также примечательным является то, что С. Эпштейн был директором программ еврейского образования и занимался развитием еврейских общин в Марокко, Западной Европе и в бывшем Советском Союзе (а именно в Сибири). Эпштейн занимается консультированием в области еврейского образования и общинного планирования¹. Все эти сведения говорят о том, что автор является носителем еврейской традиции, поэтому мы изначально ожидаем от него именно еврейского понимания Книги Есфирь. В качестве дополнительной библиографической информации, не отмеченной ни на титульном листе, ни в описании книги, процитируем абзац из «благодарностей» автора, выраженных тем, кто осуществил русскоязычную публикацию оной: «За помощь в осуществлении русскоязычного издания благодарю переводчика Льва Эйделькинда, редакторов Мордехая Гринберга и Ири-ну Крушельницкую и издателя Михаила Гринберга» (с. 5). Из этих слов следует, что Эпштейн знаком с русскоязычной версией своей книги.

1 Подробнее см.: *Эпштейн С. Свиток Эстер: истинный авторский замысел*. Иерусалим; М., 2020. С. 171–172.

Итак, издательство «Mosaic Press» в 2019 г. выпустило эту книгу под названием «The Esther Scroll: The Author's Tale», то есть «Свиток Эстер: рассказ автора». Учитывая, что задача С. Эпштейна — именно установить подлинный авторский замысел этого библейского свитка (в русскоязычной традиции наименования — Книга Есфирь²), то предложенный перевод названия рецензируемой книги представляется верным. Структурно работа С. Эпштейна выглядит следующим образом: «благодарности», оригинальный текст и русский перевод «Маминых суббот», главы «Таргум-Шейни» об Есфирь, «предисловие», «введение», «историчность», «текст против рассказа», «раввинистическая переделка мифа», «Эстер как библейская книга», «Эстер как история о еврейской победе в стране рассеяния», «Пурим как общеврейский праздник», «противоречия мудрецов», «отсутствие Бога», «переворот», «празднование Пурима как намёк на подлинный смысл Книги Эстер», «текст и комментарии», «заключение», «библиография», «приложение».

В «приложении» иллюстрируется такая тема, как пародии на священные тексты к Пуриму³. Они начали появляться с XIV в., зародившись в ашкеназских общинах. При этом раввинами и преуспевающими учениками пародировались молитвы (литургия главных праздников и праздничный кидуш⁴), псалмы, талмудические трактаты, тексты Зофар⁵. Основанием для пародирования стало, по мнению С. Эпштейна, следующее предписание из трактата Вавилонского Талмуда Мегилла, 7б: «Обязанность человека в Пурим — напиться до того состояния, в котором он сможет сказать, в чём разница между словами: “будь проклят Гаман”⁶ и “будь благословен Мордехай”⁷»

2 По-еврейски имя главной героини — אֶסְתֵּר, оно происходит от персидского слова *stāra*, «звезда»; в синодальном переводе — Есфирь. См. этимологию имени собственного: A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix Containing the Biblical Aramaic / ed. by F. Brown, S. R. Driver, Ch. A. Briggs. Oxford, 1907. P. 64.

3 По-еврейски פָּרִים, слово во множественном числе, которое происходит от аккадского *pūru* — «жребий». В единственном числе слово פָּר встречается впервые в Есф. 3, 7, где речь идёт о том, как Аман бросал жребий, чтобы определить, в каком месяце надо убить Мардохея и весь еврейский народ. Жребий выпал на двенадцатый месяц Адар (אָדָר), который соответствует нашим месяцам февраль — март. Отметим, что анализируемое слово и в единственном, и во множественном числе характерно лишь для Книги Есфирь.

4 По-еврейски שִׁדּוּךְ, «освящение», — это благословение, которое произносится в праздник или в субботу.

5 Здесь и далее в русской транскрипции названий и имён собственных, имеющих еврейское происхождение, прописная литера «Г», а также строчная «г» передаёт еврейскую букву ה.

6 По-еврейски אָמָן, в синодальном переводе — Аман.

7 По-еврейски מָרְדֳּכָי, в синодальном переводе — Мардохей.

(с. 161). Отмечу, что представленный перевод слов аморая⁸ Равы, или Рабы (רָבָא или רַבָּא; ок. 320 — ок. 350 гг.), неверный. Правильно было бы перевести слова טַד עַד דְּלֵא יָדַע בֵּין אָרוּר הָמֵן לְבְרוּךְ מְרַדְּכִי как «чтобы не различать между проклятием Гамана и благословением Мордехаю». Кстати, в другом месте перевод этих слов выполнен правильно: «чтобы не отличить проклятие Гаману от благословения Мордехаю» (с. 46). Итак, Эпштейн «в качестве небольшого экскурса» (с. 162) представил три текста: Кидуш на Пурим, Пс. 121/120 и «Из Пасхальной Гагады»¹⁰, а после каждого из них три пародии. Все тексты сначала напечатаны на оригинальном языке, а затем переведены на русский язык. С какого именно языка сделан перевод на русский здесь не объясняется, но в основном разделе книги «Текст и комментарии» имеется примечание переводчика: «В русском издании приведён не какой-либо из известных русских переводов Книги *Эстер*, но перевод авторского английского перевода С. Эпштейна, который созвучен его трактовке библейского текста, выраженной в комментариях» (с. 55), которое позволяет предположить, что и здесь перевод на русский выполнен с английского языка. Кстати, отметим, что раздел «текст и комментарии» структурно выглядит следующим образом: авторская аннотация в начале каждой главы, перевод на русский язык и оригинальный текст (страница перевода — страница оригинала), комментарии на большинство стихов. Отметим здесь, что нигде не указано, из какого издания публикуется еврейский текст Книги Есфирь. Он огласован, но не имеет масоретской акцентуации (знаков кантилляции), при этом стихи не пронумерованы (в отличие от перевода). Помимо ненаучного цитирования оригинала, почему-то значок «:», סוף פסוק, «конец стиха», набран не в конце стихов, а перед первыми словами строчек, что является принципиальной орфографической ошибкой.

К достоинствам рецензируемой книги следует отнести качественное предисловие, написанное Гилелем Галкиным и Зихроном Яковом из Израиля, в котором даётся краткий экскурс в историю интерпретаций, преимущественно еврейских¹¹. И здесь же сразу обозначаются ключевые проблемы масоретского текста Книги Есфирь, а именно:

8 Амораи — законоучители и мудрецы, которые создавали Гемару и Тосефту к Иерусалимскому и Вавилонскому Талмудам и, соответственно, жили после составления Мишны.

9 Megillah 7b // The William Davidson Talmud (Koren – Steinsaltz). URL: https://www.sefaria.org/Megillah.7b.2?ven=William_Davidson_Edition_-_English&vhe=William_Davidson_Edition_-_Vocalized_Aramaic&lang=bi&lookup=מְרַדְּכִי%20לְבְרוּךְ%20הָמֵן%20אָרוּר%20בֵּין%20יָדַע%20טַד עַד דְּלֵא&with=Lexicon&lang2=he.

10 По-еврейски הַגְּדָה или, более привычно, הַגָּדָה, — «рассказ, история».

11 Хотя христианское толкование тоже упомянуто: «Иудейские и христианские экзегеты читают книгу как рассказ о реальных исторических событиях, в которых скрытым образом

- ни разу не упомянут Бог;
- никто из персонажей ни разу не молится Господу;
- много пародийных моментов (царедворец Аман, неудачник и растяпа, угодил в собственную ловушку как карикатурный злодей и тому подобное).

Более того, Книга Есфирь весьма похожа на шуточный фарс, но в то же время имеет очень серьёзные идеи о национальном самосознании иудеев, их принципиальной самоидентичности и сплочённости во времена бедствий (с. 9–10). Современные исследователи (например, Лоуренс Уиллс в работе «Еврейский роман в Древнем мире»¹²) вообще считают, что в Книге Есфирь, наряду с такими книгами, как Товит и Иудифь, читатель встречается «с множеством фантастических деталей, идеалистических образов, приключений со счастливым концом и важной ролью женских персонажей» (цит. по: с. 10). Подобные ему учёные считают, что Книга Есфирь вошла в канон книг Ветхого Завета потому, что весьма искусно написана и стала восприниматься евреями в качестве их священной истории, хотя изначально так не планировалось её автором. Более того, «в Библии есть и другие книги, которые попали в неё благодаря их литературным достоинствам, а не в силу того, что они посвящены типичным для неё вопросам или выражают её ценности — в первую очередь, здесь следует назвать Шир га-ширим¹³ и Кофелет¹⁴» (с. 11).

Несколько иное понимание высказал Йорам Азони в работе «Рассвет: политические уроки Книги Эстер»¹⁵. По его мнению, эта книга учит, как евреям решать политические вопросы в изгнании, сохраняться

участвует Бог. Эти религиозные комментаторы считают, что замысел книги в том, чтобы показать, что Бог вмешивается в ход истории, даже если мы не подозреваем об этом. Отсутствие упоминаний о **нём** в тексте подчёркивает, что **он** (местоимения Божии, нетрадиционно для христиан написанные со строчных букв, выделены мной. — *диак. Н. Ш.*) участвовал в действе тайно» (*Эпштейн С.* Свиток Эстер: истинный авторский замысел. С. 10).

Кстати, отметим, что на этой же странице книги Эпштейна написано примечание переводчика, нивелирующее принципиальное различие понимания ветхозаветного канона книг Священного Писания в православной и католической традициях, то есть не отмечена разница между «неканоническими» (православная позиция) и «девятнадцатоканоническими» (католическая) книгами соответственно: «в католицизме и православии эти книги (Товита и Иудифи. — *диак. Н. Ш.*) включены в Ветхий Завет».

12 Wills L. M. Jewish Novel in Ancient World. Ithaca (N.Y.), 1995.

13 По-еврейски **שִׁיר הַשִּׁירִים**; в синодальном переводе — Книга Песнь песней.

14 По-еврейски **קֹהֶלֶת**; в синодальном переводе — Книга Екклесиаста.

15 Hazony Y. The Dawn: Political Teaching of the Book of Esther. Jerusalem, 2000.

и процветать там, где они лишены каких-либо институтов власти. В связи с этим отсутствие упоминаний о Боге говорит о том, что Он, отказавшись от прямого участия в жизни Своего народа, оставил им тем не менее Свой Закон. В таком случае евреям остаётся уповать на знание человеческой психологии и особенностей устройства власти. Стало быть, читатель не должен пытаться рассмотреть в Книге Есфирь невидимую руку Божию. Победа евреев — результат успешного состязания умов (там же). Работе Й. Азони, как и предшествующим попыткам интерпретации, согласно Г. Галкину и З. Якову, противопоставляется труд С. Эпштейна, согласно которому Книга Есфирь — «это сатира на еврейскую жизнь в рассеянии, в которой нет никаких перспектив выживания» (с. 12). Характеризуя произведения Азони и Эпштейна в целом, Галкин и Яков отмечают, что «они читатели, а не исследователи. Это исследователь должен отстраняться от текста, а читатель должен вчитывать в текст самого себя. Эпштейн, как вам предстоит увидеть, читая вместе с ним Эстер стих за стихом, — это замечательный читатель» (с. 14).

Для того чтобы нам понять, почему у С. Эпштейна, знатока раввинистической комментаторской традиции, возникло столь неожиданное понимание Книги Есфирь, обратимся к проблеме соотношения масоретского текста и его переводов. Эпштейн считает, что древние переводы Ветхого Завета, как то: Септуагинта, таргумы и прочие — зачастую представляют собой интерпретации, сильно зависящие от богословских взглядов переводчиков. И это касается не только древних переводов. Приведём пространную цитату: «Когда команда американского издательства “ArtScroll” делала перевод Шир га-ширим, ортодоксы настоятельно рекомендовали переводить её буквально. В результате их Шир га-ширим вышла очень похожей на арамейский перевод, который, по сути, является раввинистической интерпретацией текста как аллегории. Человеческая плотская любовь превратилась в любовь Господа к Дому Израиля, а все яркие образы истории любви мужчины и женщины стали метафорой романа с Богом» (с. 27). Такой подход к тексту Эпштейн именует реинтерпретацией или переделкой «оригинальной истории ради адаптации её к новой реальности» (там же). И он считает, что процесс реинтерпретации полным ходом шёл при переводе Книги Есфирь на греческий язык (Септуагинта). Переосмысляя оригинальную историю, «Септуагинта привнесла в текст то, чего в оригинальной версии не было и что на самом деле вступает в диссонанс как с его художественными особенностями, так и с оригинальным смыслом. Однако мудрецы при интерпретации текста придавали существенное значение авторитетным греческим вставкам,

которые в их понимании были божественной правкой. Важнейший пример такого рода вставок — молитва Мордехая в четвёртой главе. Как я отмечая в комментарии, то, что Мордехай не молится, имеет огромное значение для того, чтобы показать его ассимиляцию с культурой безбожников. Этот эпизод также призван подкрепить впечатление читателя о том, что Бога в этой истории нет. В стихе 4, 1 Мордехай кричит “громко и горько”, не обращаясь к Богу. Автор аккуратно подобрал слова, чтобы указать на это. Однако мудрецы увидели в этих словах намёк на то, что благочестивый еврей Мордехай молился Богу. И вот Септуагинта добавила следующую молитву после 17-го стиха...» (с. 27–28). В «Иудейских древностях» Иосиф Флавий пересказывает историю Есфирь, которая больше основана на Септуагинте, нежели на масоретском тексте, что позволило Эпштейну заключить, что его упоминание «схоже с этой фальсификацией Септуагинты» (с. 28). В связи со всеми этими реинтерпретациями и тенденциозными переводами возникает логичный вопрос: почему библейские тексты не были отредактированы в соответствии с богословием мудрецов? Ответ состоит в том, что мудрецы очень бережно и богобоязненно относились к библейским текстам, оставляя их как постоянные объекты осмысления и интерпретируя в соответствии с богословскими взглядами своих эпох. То, что «проблемные» тексты дошли в неизменном виде, обусловлено, очевидно, соображением, что текст может иметь и буквальную, и метафорическую интерпретации¹⁶ (с. 28–32).

И тем не менее Максим Л. Гроссман в недавнем исследовании отметила, что с греческими добавлениями к Книги Есфирь всё не так однозначно, как кажется С. Эпштейну. Во-первых, все добавления имеют параллели с библейскими каноническими и неканоническими книгами. Во-вторых, они представляют хоть и отличную, но всё же логичную картину. В результате этих дополнений греческие версии получились более благочестивыми и драматичными, нежели масоретский

16 В качестве подтверждения того, что библейский текст может иметь множество интерпретаций, и поэтому менять оригинальный текст вовсе не нужно, приведём пространную цитату: «Во всех этих случаях (различные толкования сложных мест. — *диак. Н. Ш.*) оригинальный текст оставался нетронутым, священным Писанием, но раввины предоставили сами себе полное право компоновать и интерпретировать его так, как этого требовали нормы, ценности и исторические реалии того мира, в котором они жили. Они сделали из слов דור דורשיו (Пс. 24, 6), буквально значащих “поколение, которое ищет Его”, а в переносном смысле понимавшихся как “поколение и его интерпретации”, следующий вывод: каждое поколение имеет право на собственную трактовку Писания. Само собой, это тоже адаптация текста, который изначально имел совсем не такое значение» (*Эпштейн С. Свиток Эстер: истинный авторский замысел. С. 35*).

текст, а также последовательными по стилю и менее сатиричными. В-третьих, Септуагинта явно основана на масоретском тексте, однако существует и иная версия — А, представляющая собой Alpha text («первичный текст»), очевидно основанная на ином, не масоретском еврейском источнике¹⁷. Последнее утверждение даёт основания полагать, что, вероятно, была и иная еврейская версия Книги Есфирь, которая, к сожалению, не сохранилась. Однако мы не можем утверждать, что эта несохранившаяся еврейская версия предшествовала той, которая представлена в масоретском тексте, а не является её древнейшим расширением. По поводу сохранности книги Есфирь вообще, следует отметить, что несмотря на наличие в рукописях Мёртвого моря похожих дворцовых историй, лингвистических параллелей, «сама Книга Есфирь заметно отсутствует в этом корпусе»¹⁸. В остальных вопросах (интерпретация, литературная история, влияние греческих дополнений на иудаизм) М. Гроссман выражает схожие с Эпштейном мнения¹⁹.

Посмотрим ещё на одну из ранее отмеченных ключевых проблем. В масоретском тексте ни разу не упомянут Бог. Параллель С. Эпштейн видит в 137/136-м псалме, где Бог изображается как местное, иерусалимское божество. Процитируем: «Божество 137-го псалма — местное; оно не сопровождает пленников в Вавилон, тогда как божество мудрецов вездесуще и должно было присутствовать и в Вавилоне, как присутствовал Бог до этого в Египте и во всех странах, где евреи жили в рассеянии в раввинистическую эпоху. Учитывая изначально большое влияние и значение 137-го псалма, можно предположить, что для автора Книги Эстер не было ничего странного в том смысле, что в каком-то месте Бога нет (а не только в том факте, что в этом месте не упоминают о Боге), тогда как для мудрецов более поздних эпох с более развитой теологией также было абсолютно естественно знание о том, что Бог есть везде» (с. 36). В Есф. 4, 14 есть следующие слова (перевод библейского стиха приводим с рецензируемой книги): *если ты промолчишь в это время, то свобода и избавление придёт для иудеев из другого места*, где слово «место» (מָקוֹם) понималось как эвфемизм тетраграмматона, однако Эпштейн, основываясь на понимании Пс. 137/136, считает это неоправданным по двум причинам. Во-первых, этот эвфемизм довольно поздно начал использоваться, да и то в раввинистических текстах,

17 Grossman M. L. Expanded (Greek) Esther // The Jewish Annotated Apocrypha: New Revised Standard Version / ed. by J. Klawans, L. M. Wills. Oxford, 2020. P. 125–126.

18 Ibid. P. 125–126.

19 Ibid. P. 127.

1. «Снова, как и в начале главы (4-й главы Книги Есфирь. — *диак. Н. III.*) можно задаться вопросом, как пост поможет евреям. Им надо быть сильнее, а не слабее. И Эстер следует питаться энергетическими батончиками. Может быть, она страдала от полноты, а царю больше нравились худенькие. Три дня поста — это гипербола, которая делает это место одним из комических элементов книги, а не серьезным, как принято считать» (с. 100).

2. «Её красота обладает властью над царём, и её план работает. Автор тем не менее не сдерживает своего юмора, так что даже этот напряжённый момент сопряжён с комизмом. Он очевидным образом вводит в текст фаллический символ, который находится в руке царя и которым тот касается царицы, и тем самым пирушка оказывается вписана в сексуальный контекст. Возможно, современный читатель подумает, что интерпретация скипетра как фаллического символа — это фрейдизм, но у мудрецов есть длинная (!) дискуссия в трактате Мегила, 15б по вопросу о длине скипетра: обычно составляющая два локтя, она увеличивается, в зависимости от мудреца, до 12, 16, 24, 60 или 200 локтей» (с. 106).

Подводя итоги, отмечу, что, несмотря на крайне противоречивый христианским и иудейским традиционным интерпретациям характер, комментарий С. Эпштейна представляется значимым с точки зрения примера крайне буквального толкования, а также яркой иллюстрации проблематичности включения масоретского текста Книги Есфирь в ветхозаветный канон. Также его книга представляется ценной вводными параграфами, в которых излагаются исагогические и экзегетические трудности этой библейской книги, хотя, стоит отметить, очевидно, что рассматриваются лишь те вопросы, которые волнуют одного Эпштейна. Значит, неоправданно искать в его труде исчерпывающую информацию по исагогике или тем более полноценный анализ существующих интерпретаций хотя бы внутри иудейской традиции. Впрочем, не стоит забывать, что, по предупреждению Г. Галкина и З. Яакова, перед нами труд читателя, а не исследователя.

Диакон Николай Шаблевский

то снискала она [досл. подняла] расположение в глазах его, и протянул царь к Есфири скипетр золотой, который в руке его, и приблизилась Есфирь, и коснулась главе скипетра).

